Прочитайте текст и выполните задания 23–27.

(1)Степь без конца и края тянулась на все концы света, тучные дымы пожаров вставали на горизонте, и только далеко-далеко на востоке необыкновенно чистые, ясные, витые облака кучились в голубом небе, и не было бы ничего удивительного, если бы вылетели из этих облаков белые ангелы с серебряными трубами.

(2)И вспомнилась Олегу мама с мягкими, добрыми руками...

«(3)...Мама, мама! (4)Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. (5)За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и к весне — он был такой ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. (6)А может быть, они были и грубее, руки твои, — ведь им столько выпало работы в жизни, — но они всегда казались мне такими нежными, и я так любил целовать их прямо в тёмные жилочки.

(7)Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо в последний раз положила мне голову на грудь, провожая в тяжёлый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе. (8)Я помню, как они сновали в мыльной пене, стирая мои простынки, когда эти простынки были ещё так малы, что походили на пелёнки, и помню, как ты в тулупчике, зимой, несла вёдра на коромысле, положив спереди на коромысло маленькую ручку в рукавичке, сама такая маленькая и пушистая, как рукавичка. (9)Я вижу твои с чуть утолщёнными суставами пальцы на букваре, и я повторяю за тобой: «бе-а-ба, ба-ба». (10)Я вижу, как сильной рукой своею ты подводишь серп под жито, сломленное жменью[1] другой руки прямо на серп, вижу неуловимое сверкание серпа и потом это мгновенное плавное, такое женственное движение рук и серпа, откидывающее колосья в пучке так, чтобы не поломать сжатых стеблей.

(11)Я помню твои руки, несгибающиеся, красные, залубеневшие от студёной воды в проруби, где ты полоскала бельё, когда мы жили одни, — казалось, совсем одни на свете, — и помню, как незаметно могли руки твои вынуть занозу из пальца у сына и как они мгновенно продевали нитку в иголку, когда ты шила и пела — пела только для себя и для меня. (12)Потому что нет ничего на свете, чего бы не сумели руки твои, что было бы им не под силу, чего бы они погнушались! (13)Я видел, как они месили глину с коровьим помётом, чтобы обмазать хату, и я видел руку твою, выглядывающую из шёлка, с кольцом на пальце, когда ты подняла стакан с красным молдаванским вином. (14)А с какой покорной нежностью полная и белая выше локтя рука твоя обвилась вокруг шеи отчима, когда он, играя с тобой, поднял тебя на руки, — отчима, которого ты научила любить меня и которого я чтил, как родного, уже за одно то, что ты любила его.

(15)Но больше всего, на веки вечные запомнил я, как нежно гладили они, руки твои, чуть шершавые и такие тёплые и прохладные, как они гладили мои волосы, и шею, и грудь, когда я в полусознании лежал в постели. (16)И когда бы я ни открыл глаза, ты была всегда возле меня, и ночник горел в комнате, и ты глядела на меня своими запавшими очами, будто из тьмы, сама вся тихая и светлая, будто в ризах. (17)Я целую чистые, святые руки твои!

(18)Ты проводила на войну сыновей, — если не ты, так другая, такая же, как ты, — иных ты уже не дождёшься вовеки, а если эта чаша миновала тебя, так она не миновала другую, такую же, как ты. (19)Но если и в дни войны у людей есть кусок хлеба и есть одежда на теле, и если стоят скирды[2] на поле, и бегут по рельсам поездá, и вишни цветут в саду, и пламя бушует в домне[3], и чья-то незримая сила подымает воина с земли или с постели, когда он заболел или ранен, — всё это сделали руки матери моей — моей, и его, и его.

(20)Оглянись же и ты, юноша, мой друг, оглянись, как я, и скажи, кого ты обижал в жизни больше, чем мать, — не от меня ли, не от тебя, не от него, не от наших ли неудач, ошибок и не от нашего ли горя седеют наши матери? (21)А ведь придёт час, когда мучительным упрёком сердцу обернётся всё это у материнской могилы.

(22)Мама, мама!.. (23)Прости меня, потому что ты одна, только ты одна на свете можешь прощать, положи на голову руки, как в детстве, и прости...»

(24)Такие мысли и чувства теснились в душе Олега. (25)Он уже не мог забыть того, что мать его осталась в немецкой оккупации и бабушка Вера, «подруга дней моих суровых», которая тоже была мамой, мамой его матери и дяди Коли, тоже осталась там.

(26)И лицо Олега стало серьёзным, неподвижным, большие глаза в тёмно-золотистых ресницах заволоклись влажной пеленой. (27)Он сидел, ссутулившись, свесив ноги, сцепив длинные сильные пальцы больших рук, и резкие продольные морщины легли у него на лбу.

(*По А. А. Фадееву**)

*Александр Александрович Фадеев (1901–1956) — русский, советский писатель и общественный деятель, журналист, военный корреспондент.

_____

[1]Жменя — горсть (нар. -разг.), т. е. ладонь и пальцы руки, согнутые так, чтобы ими можно было удержать или захватить, зачерпнуть что-либо.

[2]Скирда́ — большой, обычно продолговатый стог сена (соломы) или сложенные по особому способу снопы хлеба для хранения под открытым небом.

[3]Домна — шахтная печь для выплавки чугуна.

Среди предложений 7–10 найдите такое(-ие), которое(-ые) связано(-ы) с предыдущим при помощи лексического повтора и личного местоимения. Напишите номер(-а) этого(-их) предложения(-ий).